

Институт мировой литературы  
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

# Предсимволизм – лики и отражения



МОСКВА  
ИМЛИ РАН  
2020

*Издание осуществлено при финансовой поддержке  
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)  
по проекту № 19-112-00225 Д, не подлежит продаже.*

**ПРЕДСИМВОЛИЗМ — ЛИКИ И ОТРАЖЕНИЯ / Коллективная монография под редакцией Е.А. Тахо-Годи. – М.: ИМЛИ РАН, 2020. – 542 с. Вклейка 16 п.**

Коллективная монография посвящена одной из наименее изученных страниц в истории русской литературы XIX столетия – предсимволизму. В книге предлагаются два варианта подхода к исследованию предсимволизма как самостоятельного явления: «узкий» – рассмотрение литературной ситуации эпохи «безвременья» 1870–1880-х годов, и «широкий» – понимание предсимволизма как особого направления в русской культуре, ставшего «мостом», связующим романтизм и символизм.

Среди обсуждаемых в коллективной монографии проблем следующие: предсимволизм – модернизм – теория и индивидуальные практики; предсимволизм как феномен русской и европейской культуры; предсимволизм – предшественники и наследники; религиозные и философские аспекты творчества предсимволистов; прозаическое наследие поэтов-предсимволистов; поэтика А.К. Толстого, А.А. Фета, С.Я. Надсона, К.К. Случевского, Вл.С. Соловьева, А.А. Голенищева-Кутузова и др.; рецепция творчества предсимволистов в литературе и критике символистов (Андрей Белый, Федор Сологуб) и постсимволистов (Игорь Северянин, Е. Замятин).

В книге впервые вводятся в научный оборот архивные материалы из эпистолярного и литературного наследия Вл. Соловьева, И.Ф. Анненского, А.Л. Волынского и др.

Книга может быть рекомендована филологам, философам, культурологам, а также всем интересующимся развитием русской культуры XIX – первой половины XX столетия.

*В оформлении обложки использована картина Сергея Соломко (1867–1928)  
«Мария Лебедь Белая».*

ISBN 978-5-9208-0607-9

© Коллектив авторов, 2020  
© ИМЛИ РАН, 2020



## ИЗ РАННИХ КРИТИЧЕСКИХ ШТУДИЙ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО. НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО К С.А. АНДРЕЕВСКОМУ.

**С.В. Сапожков**

*Московский педагогический государственный университет*

**Аннотация.** Эпистолярное и литературно-критическое наследие И.Ф. Анненского собрано еще далеко не полностью. Особенно это касается ранней поры его биографии, когда эстетические взгляды и литературно-критические предпочтения будущего автора «Книги отражений» только формировались. Найденное в архивном фонде А.И. Урусова и датированное январем 1885 года письмо Анненского к поэту и критику С.А. Андреевскому (1847–1918), содержащее подробный разбор его поэмы «Обрученные», во многом помогает пролить свет и на литературное окружение раннего Анненского, и на первоначальные литературные ориентиры, выявляющие контуры эстетического идеала молодого критика и художественные принципы его воплощения. Ценность письма заключается и в том, что в нем начинающий критик, по сути, в первый и в последний раз пробует дать оценку одному из самых характерных представителей поэзии 1880–1890-х годов, косвенно оценивая и само явление поэзии «предсимволизма».

**Ключевые слова:** И.Ф. Анненский, С.А. Андреевский, поэма «Обрученные», письмо Анненского к Андреевскому 9 января 1885 г., А.И. Урусов, Л.Я. Гуревич, Шекспировский кружок, «флоберовские вечера».

Публикуемое в настоящем сборнике письмо Иннокентия Федоровича Анненского (1855–1909) к поэту и критику Сергею Аркадьевичу Андреевскому (1847–1918) представляет собой один из самых ранних критических опытов будущего автора «Книги отражений», а из его дебютных работ, посвященных разбору произведений отечественных авторов, – едва ли не самый первый. Уникальность этого опыта возрастет в наших глазах, если учесть, что критических оценок творчества авторов, принадлежащих к предсимволистской

поре 1880-х годов, эпохе «переходной» и «подготовительной», у Анненского почти нет. Среди поэтов-«восьмидесятников» Андреевский – единственный, кто удостоился внимания Анненского-критика, и это обстоятельство только повышает интерес к данному письму.

В 1879 году И.Ф. Анненский закончил Петербургский университет по словесному разряду историко-филологического факультета со степенью кандидата и правом преподавать древние языки и сразу же начал свою преподавательскую карьеру. В 1879–1891 годы преподавал в петербургской гимназии Я.Г. Гуревича и, как сказано в словарной статье Р.Д. Тименчика и К.М. Черного, «урывками занимался филологическими исследованиями, отдаться которым не позволяла служебная деятельность»<sup>1</sup>. Именно к этому времени и относится его развернутый отзыв-письмо на поэму С.А. Андреевского «Обрученные», опубликованную в журнале «Вестник Европы» (1885, № 1, с. 317–329), а затем вошедшую в сборник «Стихотворений» 1886 года.

Дочь Я.Г. Гуревича – Л.Я. Гуревич, впоследствии издатель первого символистского журнала «Северный вестник», вспоминала: «Я знала Иннокентия Федоровича очень давно, еще в 80-х годах, когда я была почти девочкой, а он преподавал греческий язык в гимназии моего отца. Рассказы гимназистов, его учеников, дополняемые личными впечатлениями, рисовали образ учителя, непохожего на обыкновенных русских учителей – изысканного, светски-любезного в обращении с старшими и младшими, по-европейски корректного, остроумного, с каким-то особенным, индивидуальным изломом в изящной стройной фигуре, в приемах и речах, изломом не то манерным, не то чудаческим»<sup>2</sup>.

В самом начале письма Анненский упоминает о некоем «мимо-летном» знакомстве, дающем ему право на столь подробный разбор поэмы Андреевского. К сожалению, точными данными о таком знакомстве мы не располагаем, но кое-какие предположения можно сделать. Во-первых, это, конечно, многочисленные кружки, в которых кипела литературная жизнь Петербурга первой половины 1880-х годов. В первую очередь следует назвать «Русское литературное

<sup>1</sup> Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М.: Большая российская энциклопедия, НВП «Фианит», 1992. С. 85.

<sup>2</sup> Л<любовь> Г<гуревич>. Памяти И.Ф. Анненского // Русская мысль. 1910. № 1. С. 163.

общество» (в 1885 г. оно носило название «Общество любителей сценического искусства») и «Пятницы» Я.П. Полонского – самые демократичные и самые широкие по составу литературные объединения, в которых С.А. Андреевский принимал активное участие<sup>3</sup> и где он мог повстречать Анненского в качестве вольнослушателя или гостя (данных о членстве Анненского в этих объединениях нет).

Далее, что заслуживает более подробного комментария, это так наз. Шекспировский кружок, в котором безраздельно царствовал его «душа» и вдохновитель – князь А.И. Урусов, а Андреевский играл как докладчик и оппонент одну из первых скрипок<sup>4</sup>. Недаром публикуемое письмо обнаружено в фонде Урусова. С Урусовым был близок и А.Ф. Кони, которому Андреевский подарил типографский оттиск своей поэмы<sup>5</sup>. По свидетельству Кони, именно он ввел Андреевского в круг постоянных авторов такого респектабельного журнала, как «Вестник Европы», где и были впервые опубликованы «Обрученные»<sup>6</sup>. Личное знакомство И. Анненского с кругом петербургских «критиков-юристов» еще нуждается в тщательном изучении, например, было бы любопытно установить, не участвовал ли Андреевский в качестве адвоката в известном процессе, в описании которого прозвучало имя Анненского<sup>7</sup>. В Шекспировский же кружок молодого Анненского могли ввести все та же Л.Я. Гуревич<sup>8</sup>, а также один из участников кружка, критик В.В. Чуйко<sup>9</sup>, готовивший в начале 1885 г. к публикации свою книгу «Современная русская поэзия в

---

<sup>3</sup> См.: Подольская И.И. Сергей Аркадьевич Андреевский: судьба и творчество // Андреевский С.А. Книга о смерти / Изд. подготовила И.И. Подольская. М.: Наука, 2005. С. 472–473.

<sup>4</sup> Об участии С.А. Андреевского в работе Шекспировского кружка см.: Сапожков С.В. К истории «шекспировского кружка» в Санкт-Петербурге (по новым материалам) // Вопросы филологии и преподавания филологических дисциплин: Сборник научных и публицистических статей, посвященных памяти профессора А.П. Ауэра. Вып. II. Коломна, 2017. С. 211–212.

<sup>5</sup> ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 4058.

<sup>6</sup> Кони А.Ф. С.А. Андреевский // Кони А.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5. М.: Юридическая литература, 1968. С. 173.

<sup>7</sup> Валк С.Н. К истории процесса 21: (Письма и показания П.Ф. Якубовича) // Красный архив. 1929. Т. 5 (36). С. 179.

<sup>8</sup> Об участии в работе Шекспировского кружка Л.Я. Гуревич см.: Сапожков С.В. К истории «шекспировского кружка» в Санкт-Петербурге. С. 215–217.

<sup>9</sup> Участие Чуйко в заседаниях Шекспировского кружка зафиксировано в кн.: Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга. 1890–1917. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 263. См. также: Сапожков С.В. К истории «шекспировского кружка» в Санкт-Петербурге. С. 211.

ее представителях», где «гремевшему» на всю Россию С.Я. Надсону места не нашлось, зато начинающему Андреевскому, не выпустившему пока ни одной книги стихов, отводилась целая глава. Вспоминая о своем участии в этом кружке, Андреевский в позднейшем письме к И.И. Ясинскому так характеризовал атмосферу собраний: «Мы с Вами встретились в кружке Урусова и Коропчевского (Дмитрий Андреевич Коропчевский – один из редакторов журнала «Слово». – С.С.). <...> То был особый островок в литературе: научные эстеты. В этой маленькой партии уже зарождалась революция против бесшабашного позитивизма»<sup>10</sup>. И немалое значение в этой революции придавалось изучению творчества Г. Флобера и Ш. Бодлера, а также современных французских «проклятых» поэтов<sup>11</sup>.

О близости литературных интересов Анненского той поры к эстетическим предпочтениям «научных эстетов» свидетельствуют воспоминания Л.Я. Гуревич. В личности Анненского она ощутила «...душу <...> оригинального человека, который, еще будучи студентом, в то время, когда русская молодежь жила “Отечественными Записками”, был отравлен Эдгаром Поэ и Бодлером; который любовно перевел всего Эврипида, вдохновенно изучал во всех извилинах и закоулках русских классиков, знал, как редкий европеец, новейшую поэзию Франции...»<sup>12</sup>. Возможная причастность Анненского к кружению Урусова заметна и в том внимании, которое уделяет он в своем письме поэтике Г. Флобера. Флобер – культовая фигура для Урусова. Изучению его наследия были посвящены так называемые «флоберовские вечера», их состав участников во многом совпал с кругом завсегдагаев Шекспировского кружка. В целом весь разбор поэмы Андреевского соответствует тому флоберовскому идеалу красоты и гармонии, который находил в поэзии Андреевского Урусов. Сохранились его наброски рецензии о книге «Стихотворений» (СПб., 1886) Андреевского, основные мотивы которой перекликаются с письмом И. Анненского. В частности, автор рецензии особенно ценит, что в эпоху, когда занятия поэзией сводились к «литературному баловству» и оправдывались только пользой («идеей»),

<sup>10</sup> РГАЛИ. Ф. 581. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 5 (письмо от 26 декабря 1910 г.).

<sup>11</sup> Об этом см.: Сапожков С.В. Князь Александр Иванович Урусов – человек эпохи предмодернизма // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 268–315.

<sup>12</sup> Л<любовь> Г<гуревич>. Памяти И.Ф. Анненского // Русская мысль. 1910. № 1. С. 165.

Андреевский «воспевает только красоту»<sup>13</sup>. И далее уточняет: «То была не холодная, невыносимо-деланная красота псевдо-греков вроде Щербины, не красота “идейная” с публицистической закваской, не красота риторическая с барабанно-трубными маршами, ни в особенности лицемерная красота Апухтина... Это была красота нежная, [1 сл. нрзб.], где улыбка сияет сквозь слезы, где смерть венчает радости жизни. Целомудренная красота молодости озаряет всю книгу своею меланхолическою прелестью. Но к целомудрию примешана явственная струйка чувственности»<sup>14</sup>. О том, что в поэзии Андреевского «чувство формы, гармонии, пропорции, чувство изящного очень сильно развито и составляет как бы форму его мысли», писал в своей книге и В. Чуйко<sup>15</sup>. Как отличительную черту стиля поэта критик отмечает и его склонность не к обыкновенным, «но самым ярким, чуть-чуть кричащим краскам», желание писать «не просто, а красиво», «немного рисующийся лиризм»<sup>16</sup>.

Все эти мысли читатель легко найдет в публикуемом письме Анненского, что косвенно подтверждает гипотезу о причастности начинающего критика к кругу петербургских «научных эстетов».

Насколько оказались прочны и долговечны эти связи? На этот вопрос ответ напрашивается, скорее, отрицательный. Во всяком случае, какие-либо другие развернутые рецензии Анненского на творчество Андреевского нам не известны. В том числе и на наиболее значительную его часть – литературную критику, хотя в принципах их критического метода, несомненно, есть общие черты. Так что знакомство, действительно, оказалось «мимолетным». Анненский в 1890-е и особенно в 1900-е годы и как критик, и как поэт занимает подчеркнуто независимую позицию, о каких-то «влияниях» на его творчество говорить напрямую не приходится. Кружковых площадок, где бы могли в 1900-е годы пересекаться литературные пути Андреевского и Анненского, просматривается весьма немного. По данным М. Шрубы, это могли быть либо «среды» барона Н.В. Дризен (1909–1917)<sup>17</sup>, либо Санкт-Петербургское литературное обще-

---

<sup>13</sup> Урусов А.И. Заметки для статьи об С.А. Андреевском // РГБ. Ф. 311. Карт. 6. Ед. хр. 25. Л. 2.

<sup>14</sup> Там же. Л. 3.

<sup>15</sup> Чуйко В.В. Современная русская поэзия в ее представителях. СПб., 1885. С. 161.

<sup>16</sup> Там же. С. 164.

<sup>17</sup> Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга. С. 50.

ство (1907–1911)<sup>18</sup>. Однако участие Анненского в них оказалось, увы, непродолжительным, свое членство в обоих обществах он официально оформил незадолго до кончины<sup>19</sup>. Вряд ли знал Анненский и о главном труде всей жизни Андреевского – «Книге о смерти», хотя между «Обрученными» и «Книгой о смерти» в творческом сознании Андреевского, безусловно, существовала преемственность. Была бы эта преемственность актуальна и ощутима для Анненского, окажись он среди доверенных лиц, которым автор читал в рукописи свой капитальный труд, – вопрос гадательный, хотя некоторые исследователи усматривают переключки между философской трактовкой смерти в «Книге о смерти» Андреевского и в ряде стихотворений Анненского<sup>20</sup>.

Ранняя поэма Андреевского в творческом становлении Анненского-критика, скорее, сыграла роль первоначального ориентира, формирующего эстетические вкусы будущего автора «Книги отражений» – ориентира, который был им быстро преодолен и забыт.

Письмо Анненского воспроизводится по автографу, хранящемуся в фонде А.И. Урусова в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 311, карт. 11, ед. хр. 11, л. 1–5). Ответное письмо С.А. Андреевского не выявлено. Выражаю искреннюю признательность А.И. Червякову и Е.Е. Дмитриевой за ценные консультации в подготовке публикации данного письма. А.В. Сысоеву благодарю за справку по фондам ИРЛИ.

9 янв<аря> 1885

Сергей Аркадьевич!

Пользуясь правом знакомства (хотя и мимолетного)<sup>21</sup> я хочу передать Вам несколько впечатлений и мыслей по поводу Ваших «Обрученных».

<sup>18</sup> Там же. С. 194.

<sup>19</sup> См.: Из неизданной переписки И.Ф. Анненского / Публикация и примечания А.И. Червякова // Иннокентий Федорович Анненский 1855–1909. Материалы и исследования. М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2009. С. 642–643.

<sup>20</sup> Подольская И.И. Сергей Аркадьевич Андреевский: судьба и творчество. С. 229.

<sup>21</sup> Гипотетическую реконструкцию литературного окружения С.А. Андреевского середины 1880-х годов, к которому мог быть причастен И. Анненский, см. во вступительной заметке.

Не скрою, первое впечатление было слабое. Оно было какое-то ускользающее, неосязаемое. Некоторые места, впрочем, понравились сразу, напр<имер>, VII и самый конец (без 4 заключительных Ламартиновских<sup>22</sup> строк). Конец особенно хорош: он напоминает лучший период лермонтовской кисти. Я прочел Ваше стихотворение несколько раз и рад, что это сделал: удовлетворение получаешь, именно когда вчитаешься в Ваши строфы.

Прежде всего о сюжете. Он мне безусловно нравится. Я несколько не разделяю мнения об исключительности темы как ее недостатке. Вопрос о самоубийстве – вопрос вечно юный, вечно живой. Разве есть великий поэт, который бы никогда на нем не остановился? Начиная с Софоклова Аякса<sup>23</sup> самоубийство является законным элементом поэзии. В современной жизни самоубийство стало еще более частым финалом драмы, и что же мудреного, что поэт остановит на нем свою кисть?<sup>24</sup> Форма самоубийства, конечно, исключительна, но она давно крайне типична, т.е. типичен не самый частный случай, а некоторая «вычурность» самоубийства<sup>25</sup> (простите, выражение вуль-

---

<sup>22</sup> Имеются в виду следующие строки:

И песнь смолкает у порога,  
Где вековая тишина,  
Где жизни мелкая волна  
Опять впадает в лоно Бога.

(Андреевский С.А. Стихотворения. 1878–1885. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1886. С. 159).

Сходство этих строк с творчеством французского поэта Альфонса де Ламартина (1790–1869) Анненский усмотрел в трактовке жизни как вечногo плена души, сливающейся после смерти с вечностью и возвращающейся в лоно Бога. Например, в элегии «О Бессмертии» (1819):

Приди, телесных уз сорви обремененье,  
Дай крылья, смерть! Лечу туда, где мой Творец,  
К непостижимому направлю я паренье  
В обитель, где мое начало и конец.

(Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры / Изд. подготовили В.Э. Вацуру и В.А. Мильчина. М.: Радуга, 1989. С. 516. Пер. Д.И. Хвостова).

<sup>23</sup> «Аякс» («Эант») – трагедия древнегреческого драматурга Софокла (495–405 гг. до н. э.) на сюжет троянского цикла.

<sup>24</sup> Андреевский, подчеркивая «документальность» сюжета, дал поэме подзаголовок: «Из “Хроники происшествий”».

<sup>25</sup> В поэме Андреевского речь идет о юноше, потерявшем невесту, которая умерла в расцвете молодости и красоты. Он пробирается в дом, «обитель тихой смерти», где лежит невеста в подвенечном платье, надрезает руку себе и ей одним и тем же лезвием и, отравленный трупным ядом, умирает рядом с ней.

гарно). Да, наконец, разве явления исключительные занимают в поэзии менее видное место, чем заурядные? Разве Ричард III, это явление почти исключительное, не настолько же закончен в поэзии, как Павел Иванович Чичиков? Разве Гоголь, Диккенс, Флобер, Эдгар По не наполняли глубоко поэтических страниц явлениями исключительного, нетипического вида? Мне кажется, чуть ли не наоборот, исключительное явление и в поэзии часто преобладает над типическим, как в науке изучение известной уродливости, наблюдение над редким психиатрическим явлением лучше освещает человеческую душу, чем годы здоровых педагогических наблюдений<sup>26</sup>.

Другой упрек, который Вам ставят, это труп на авансцене, в центре картины. Это, по-моему, упрек неосновательный. Пора быть смелее и не стеснять поэзии рамками. Слава за это французам, которые смело пошли вперед – расчищать поле поэтических образов, и не побоялись зайти в так называемую «неэстетичность», даже цинизм, даже порнографию! Передовые отряды ведь всегда залетали немного далеко. Поэзия, этот могучий рычаг нравственной жизнедеятельности, оправится, сумеет заставить глядеть на разные некрасивые житейские явления глазами простыми и трезвыми. Смелее, на сцену все, что нам нужно для раскрытия тайны человеческого духа, – будь это сценическое украшение – труп – или смеющийся ребенок. Помните Вы картину «Анатэмы»<sup>27</sup> <?> Труп отвратителен, но какая жизнь, какая светлая мысль, какая жажда истины на окружающих

<sup>26</sup> Ср. с очень похожими эстетическими пристрастиями в окружении кн. А.И. Урусова, о которых писал И.И. Ясинский: «Есть у людей потребность и восхищаться прекрасным, и смеяться над уродливым. И не к соседней ли с нею загадочной стороне человеческой души относится необыкновенно растяжимая скала (шкала. – С.С.) нашей способности подниматься на высоты благороднейшего восторга в мире нравственных переживаний и вдруг опускаться до крайних глубин низших чувствований?...» (Ясинский И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний / Изд. подготовили Т.В. Мясникович и Л.Л. Пильд. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Т. 1. С. 241).

<sup>27</sup> О какой «картине» идет речь и что подразумевается под «картиной» (живописное полотно либо сцена из литературного произведения), установить не удалось. В 1909 г. под этим названием вышла драма Л. Андреева, вызвавшая бурные споры в кругах театральной интеллигенции. Анненский находился в гуще этих споров. В частности, он председательствовал на заседании Санкт-Петербургского литературного общества 27 ноября 1909 г., где выступал А. Редько с рефератом «Несколько слов об «Анатэме» (см.: Из неизданной переписки И.Ф. Анненского / Публикация и примечания А.И. Червякова // Иннокентий Федорович Анненский 1855–1909. Материалы и исследования. М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2009. С. 643–644). Однако в 1885 году, когда писалось письмо, Анненский, конечно, имел в виду какой-то другой источник.

лицах! И она вызвана этим самым синим трупом – труп законный элемент картины.

Я упрекнул бы Вас совсем за другое.

В Вашей поэме поминается труп, но его нет в Вашей поэтической картине.

Вы задержали его розовой дымкой Вашего обаятельного поэтического красноречия. Труп только что не дышит, только что не благоухает. Он не возбуждает ни <страха?>, ни боли, не говоря уже об отращении.

В тени соболиных ресниц утопая<,>  
Сквозят голубые глаза.

Да это красавица вернулась с бала и, не сняв цветов, задремала в кресле, а солнечный луч украдкой золотит эти гиацинты и левкои. Это – сказочная принцесса, которую усыпили волшебные чары. Где же труп? Это гадкая маска, которая так же похожа на живого человека, как та балаганная кукла арлекина, которую режут на куски, взамен убогого артиста.

Девственный фарфор, лилейная рука, нежный лик, линии бровей, задумчивых и длинных, голова поникшая и «с какой-то грустью без конца», «бледных уст вопрос»?

Воля Ваша – это не труп. Положим, в этой задрапированной обстановке легче понятно желание юноши слить свое существо, свою смерть с этой прекрасной жизнью-смертью. Мне кажется, в таких непозитических вещах, к<a>к смерть, надо быть грубее. Вспомните Шарля Бовари перед трупом жены. Флобер не побоялся вылить черную сукровицу на белое платье Эммы<sup>28</sup>. И, помните, как дивно противопоставил он суровую логику природы с жалкими попытками бедного Шарля как-нибудь украсить, расцветить, замаскировать труп<sup>29</sup>.

---

<sup>28</sup> Ср.: «Все три женщины склонились над ней, чтобы надеть венок. Для этого пришлось слегка приподнять голову, и тут изо рта у покойницы хлынула, точно рвота, черная жидкость» (Флобер Г. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1933. С. 285).

<sup>29</sup> Ср.: «“Я хочу, чтобы ее похоронили в подвенечном платье, в белых туфлях, в венке. Волосы распустите ей по плечам. Гробов должно быть три: один – дубовый, другой – красного дерева, третий – металлический. Со мной ни о чем не говорите. У меня достанет сил перенести все. Сверху накройте ее большим куском зеленого бархата. Это мое желание. Сделайте, пожалуйста, так”. Романтические причуды Бовари удивили тех, кто его окружал» (Флобер Г. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. С. 278).

Но пойдём дальше. Сразу мне не понравился художественный образ Вашего героя. Мне показалось неестественным размышление юноши на Невском. Через каких-нибудь 8 часов после страшной неожиданности смерти он начинает рефлексировать и немножко общими местами говорит о бессмысленной житейской суете. Но — теперь как я ценю и понимаю Ваше изображение! Вы, мне кажется, только напрасно набрасываете на него местами несколько жгучий колорит. Это не <человеческие?> чувства, тем менее страсти. Это нам современный, близкий человек, *c'est la chair de notre chair*. Этот юноша наверно с 12 лет стал «умствовать» и к 20 был «изъеден рефлексией». В самой смерти он видит не столько грубую обиду природы, сколько метафизический вопрос. В любви у него была привязанность к идеальному образу, дитяти фантазии, а не живому человеку *tel quel*<sup>30</sup>. Его самоубийство — это не результат жгучей скорби или немого, холодного отчаяния; его влечет болезненно-фантастический образ, один из тех [нрзб.] элементов его бытия, на которых держалась его *нервная* жизнь. Натура более непосредственная не задумалась бы над формой самоубийства и не остановилась над этой, несколько изысканно-манерной. Как хорошо характеризуете Вы его словами, где вы объясняете, почему он захотел заразиться трупным ядом; или теми строками, где он представлен в *ее* мертвых объятиях, переживающим ряд мгновенных галлюцинаций (ни слова не говорящих о его любви).

Вы, по-видимому, не преследуете в поэзии целей чисто психологических; Вы оставляете психологии самоубийства развертывать перед глазами читателя эту последовательность назревающего решения. Вы даёте нам вырванные звенья, ряд ярких моментов его последнего дня, и даёте их в прелестных картинах. Меня особенно поразила их законченность. С чисто психологической точки зрения это едва ли применимо. Воспоминания, встающие в удрученном мозгу, едва ли могут быть так обточены и закруглены. Но Вы и не занимаетесь «вивисекцией» (как назвал недавно, кажется, Чарльз Рид психологию романов<sup>31</sup>); Вы даёте картины, анализ губил бы их. Ваша поэтическая сила не в психологии. Она, мне кажется, и не в лиризме. Ваша поэзия не трогает; она слишком *горделива* (не нахожу

<sup>30</sup> Это плоть от плоти нашей; как он есть (*фр.*).

<sup>31</sup> См.: *Шитицына Л.А.* Социальные романы Чарльза Рида 1850–1860-х годов. Автореферат диссертации ... канд. филол. наук (10.01.05) / Горьковский государств. университет имени Н. И. Лобачевского. Горький, 1976.

другой метафоры), слишком ярка, чтобы трогать. У Вас мало вкуса, такта, этого поэтического чутья (*Ahnung*<sup>32</sup>), но жилки сентиментальности, этой чисто немецкой *unbewusste Rührung*<sup>33</sup>, в Вас будто не бьется.

Ваша сила в поэтических образах, в колорите. И особенно в контрастах: шумный Невский и тихое жилище смерти, мишура и блеск сцены и мрачная, *отчаявшаяся* жизнь, хохот и мысль о самоубийстве, воспоминания – идиллическое и жгучее рядом.

Кстати, о картинах. Картина Невского хороша, прекрасна сама по себе, но в поэме, во всей своей широте и яркости, она немножко не у места. Ведь картины должны видеться сквозь призму личного настроения героя, а едва ли эта яркая, пестрая, как персидский ковер, картина могла хотя вполовину отразиться в сдавленном мозгу юноши. Зато картина канала, где глаза юноши привязываются к нескольким совсем незначительным предметам, превосходна: она вводит в центр поэмы. Как юноша «унесся робкими мечтами» в театре, мне не совсем ясно. Впрочем, сцена понятна ввиду требований сильного контраста.

Теперь об общем тоне Вашего произведения. Он напоминает мне Виктора Гюго. По временам в нем слишком много торжественности; иногда будто даже некоторая деланность. Изложение становится не совсем ясным, и теряется первое впечатление, этот «аромат поэзии».

Приведу примеры, что мне бросилось в глаза.

И на ручье зардели блески  
Пред поколебленным огнем.  
И в этом *трепете* стихии  
Он слышал звук себе родной.

И эти пятна – брызги дня,  
Его пугали, как виденья  
Едва доступного значенья  
Из светлой бездны бытия.

Это прекрасно и глубоко, но не сразу чувствуется.

И то есть жизнь, когда в ряду предметов  
Она еще, как статуя, цела,

---

<sup>32</sup> Анненский в скобках дает перевод на немецкий.

<sup>33</sup> Бессознательная эмоция (*нем.*)

Щадимая рукою разрушенья —  
Та самая, доступная для зренья.

Сухо это немножко.

Иногда самому ничтожному обстоятельству Вы посвящаете несколько строк и тем ослабляете общее впечатление (напр<имер>, 4 стр<аница> о служанке, идущей в мелочную лавку<sup>34</sup>).

Сравнение

И мы беспомощнее зверя

неполно и неясно.

Мне бы хотелось сказать еще о Вашем стихе и языке особенно, по-моему, *замечательном*, местами классическом, но это как-нибудь до другого раза.

Жму Вашу руку рукой, уставшей от этого письма, которое слишком уж растянулось, кажется.

Весь Ваш <подпись>.

С<анкт>-Петербург.

*Список литературы:*

1. *Андреевский С.А.* Обрученные. Стихотворения. 1878–1885. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1886. С. 139–159.

2. *Андреевский С.А.* Обрученные. Типографский оттиск // ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 4058.

3. *Андреевский С.А.* Письмо к И.И. Ясинскому от 26 декабря 1910 г. // РГАЛИ. Ф. 581. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 5.

4. Из неизданной переписки И.Ф. Анненского / Публикация и примечания А.И. Червякова // *Иннокентий Федорович Анненский. 1855–1909. Материалы и исследования.* М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2009. С. 604–650.

5. К истории процесса 21: (Письма и показания П.Ф. Якубовича). Предисловие С.Н. Валка // *Красный архив.* 1929. Т. 5 (36). С. 122–179.

---

<sup>34</sup> Имеется в виду следующее место из X главки:

И вот зачем-то в ближний дом,  
Должно быть, в лавку мелочную,  
Спешит служанка под платком,  
Перебегая мостовую...

(*Андреевский С.А.* Стихотворения. 1878–1885. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1886. С. 155).

6. *Ламартин Альфонс де*. О бессмертии // Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры / Изд. подготовили В.Э. Вацуро и В.А. Мильчина. М.: Радуга, 1989. С. 516. Пер. Д.И. Хвостова.

7. *Л<любовь> Г<уревич>*. Памяти И.Ф. Анненского // Русская мысль. 1910. № 1. С. 163–166.

8. *Подольская И.И.* Сергей Аркадьевич Андреевский: судьба и творчество // Андреевский С.А. Книга о смерти / Изд. подготовила И.И. Подольская. М.: Наука, 2005. С. 471–553.

9. *Сапожков С.В.* К истории «шекспировского кружка» в Санкт-Петербурге (по новым материалам) // Вопросы филологии и преподавания филологических дисциплин: Сборник научных и публицистических статей, посвященных памяти профессора А.П. Ауэра. Вып. II. Коломна, 2017. С. 207–217.

10. *Сапожков С.В.* Князь Александр Иванович Урусов – человек эпохи предмодернизма // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 268–315.

11. *Тименчик Р.Д., Черный К.М.* Анненский Иннокентий Федорович // Русские писатели. 1890–1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, НВП «Фианит», 1992. Т. 1. С. 84–88.

12. *Урусов А.И.* Заметки для статьи об С.А. Андреевском // РГБ. Ф. 311. Карт. 6. Ед. хр. 25. Л. 1–3.

13. *Флобер Г.* Госпожа Бовари // Флобер Г. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1933. Т. 1. 350 с.

14. *Чуйко В.В.* С.А. Андреевский // Чуйко В.В. Современная русская поэзия в ее представителях. СПб., 1885. С. 161–166.

15. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга. 1890–1917. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 440 с.

16. *Ясинский И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний / Изд. подготовили Т.В. Мясникович и Л.Л. Пильд. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Т. 1. 719 с.